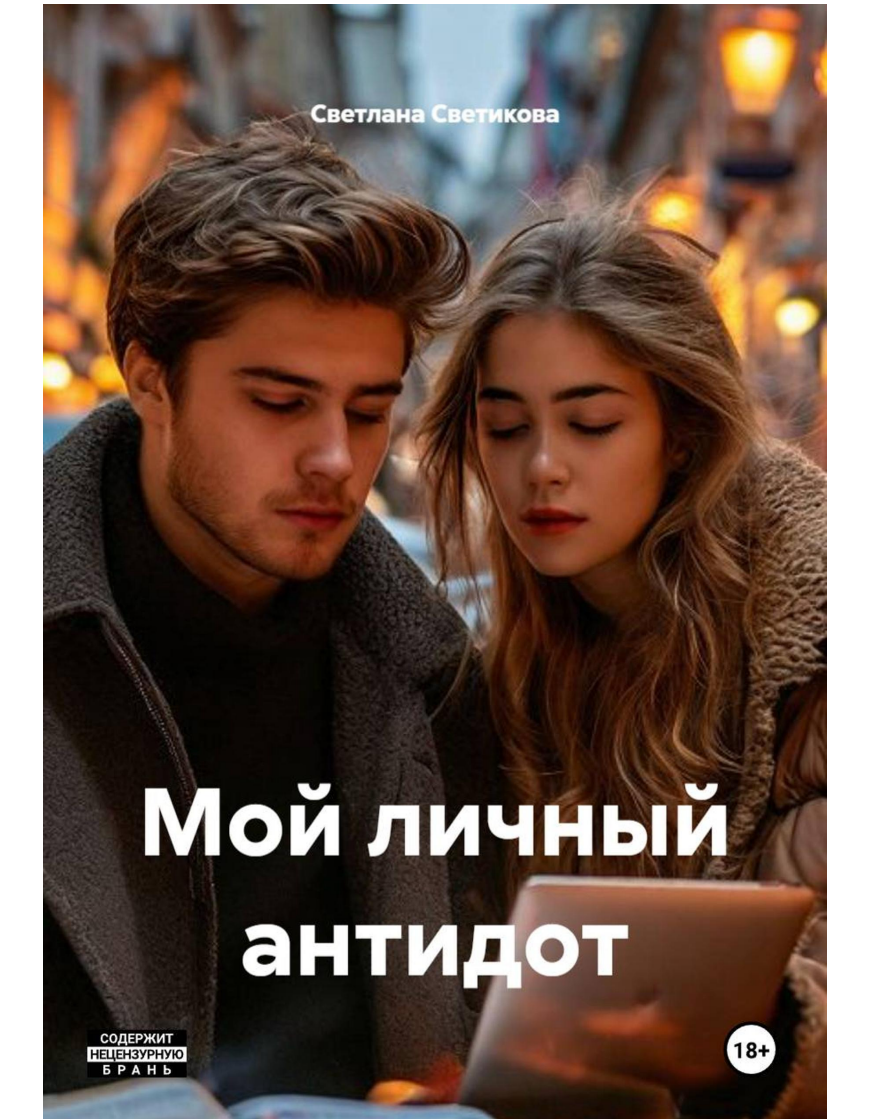

A young man and woman are looking down at a laptop screen. They are outdoors at night, with warm city lights and street lamps visible in the blurred background. The man is on the left, wearing a dark jacket, and the woman is on the right, wearing a light-colored knit sweater. The overall mood is intimate and focused.

Светлана Светикова

Мой личный антидот

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Светикова

Мой личный антидот

<https://litres.ru/74136897>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он — главная ошибка её жизни. Она — единственный шанс спасти его будущее.

Сжечь курсовую работу мажора за день до защиты? Для отличницы Арины это фатальная случайность. Для сына медиамагната Максима — конец карьеры.

У них есть одна ночь, чтобы написать диплом заново. Сделка проста: она спасает его шкуру своим интеллектом, а он покупает ей новенький MacBook взамен сожженного. Только вот в их договоре не было пункта о том, что спать в одной машине по дороге в круглосуточное кафе окажется опаснее, чем подделывать подпись декана.

Днем они — идеальная пара для папарацци факультета. Ночью — сообщники, взламывающие серверы корпорации отца Макса. Он учит её нарушать правила, она учит его тому, что кофе бывает без сахара, а любовь нельзя загуглить. Но когда твоя вторая половинка — хакер с лицензией на убийство чужих нервных клеток, рано или поздно придется выбирать: сдать его полиции или отдать ему свое сердце вместе с кодами доступа к офшорам?

Светлана Светикова

Мой личный антидот

Глава 1

Глава 1. Смерть на кончике ложки

Цифры в строке дедлайна издевательски мигали: 03:42. Мозг плавился где-то на уровне затылка, превращаясь в сладкую жижу с привкусом химозной гуавы. Пятый энергетик за ночь — мой личный рекорд и билет в один конец к кардиологу до тридцати лет. Но мне было плевать. Я была близка к нирване.

Курсовая по истории зарубежной журналистики «Трансформация образа женщины в глянце нулевых» лежала передо мной идеальным текстом. Введение выверено до последней запятой, сноски оформлены по ГОСТу (а это для меня как оргазм), а вывод бил прямо в сердце старпера-декана. Сорок пять страниц чистого филологического кайфа. Файл назывался ARINA_FINAL_V9_NO_ERRORS.docx.

Я торжественно нажала Ctrl+S, откинувшись на жесткую спинку стула и позволила себе закрыть глаза ровно на три секунды. Где-то в кармане худи вибрировал телефон — наверняка мама проверяла, жива ли её единственная адекватная дочь. Дочь была почти мертва, но абсолютно счастлива.

Внезапно дверь аудитории номер 404 распахнулась так, словно кто-то пытался выбить её плечом. Удар был такой силы, что со стены посыпалась штукатурка.

— Господа присяжные заседатели! — проорал густой бас, перекрывая гул старого кулера. — Мы нашли свободный комп... Ого. Тут занято.

Я медленно открыла один глаз. На пороге стоял локальный апокалипсис в лице Максима Вольского. Сын владельца медиахолдинга, рок-звезда нашего задрипанного универа и просто ходячий геморрой факультета. От него разило дешевым крафтовым пивом и мятной жвачкой. За его спиной маячили две тени из группы поддержки — такие же пьяные и громкие.

На Максе были надеты очки-авиаторы. Внутри здания. Ночью. Он вообще знал, что такое стыд?

— Тихо, мышки, — фыркнул он, пошатываясь. Его взгляд упал на мой стол. — О, зубрила. Опять спасаешь мир печатным словом?

Его компания заржала. Я проигнорировала выпад, плотнее запахнув ворот худи. Главное правило выживания в универе: не смотри в глаза пьяному Вольскому, если хочешь дожить до диплома.

— Закругляйся, Арин, — Макс шагнул внутрь, пиная пустую пластиковую бутылку. — Общежитие закрывается, а нам нужно распечатать одну бумаженцию. Принтер только здесь живой остался.

Он обошел мой стол валяжной походкой человека, которому никогда не ставили двойки. Мои пальцы инстинктивно дернулись закрыть ноутбук крышкой. Поздно.

Локоть Макса, облаченный в рукав растянутого свитшота Balenciaga (подделка, я видела швы), задел мой стаканчик. Тот самый, пятый, наполовину полный ледяной колы.

Время замедлилось. Как в кино. Стакан перевернулся. Коричневая жидкость хлынула водопадом прямиком на клавиатуру моего MacBook Air. Тонкая струйка стекла по экрану, заливай матрицу.

Бз-з-з-ть. Экран вспыхнул кислотно-синим цветом смерти и погас. Абсолютная, звенящая тишина повисла в воздухе, нарушаемая лишь шипением умирающего блока питания. Запахло паленой проводкой и моими разбитыми мечтами.

— Упс, — лениво протянул Макс, глядя на лужу на столе. — Кажется, я испортил твой реферат про динозавров.

Его дружки снова загоготали. Один из них попытался хлопнуть меня по плечу: — Не плачь, детка, папа купит новый. Золотой, с блютузом.

Я молчала. Я смотрела на черный прямоугольник ноутбука. Сорок пять страниц. Девяносто тысяч знаков. Три месяца бессонных ночей. Всё исчезло, потому что этот идиот решил поиграть в тореодора с дверью.

Где-то внутри меня должен был включиться режим паники. Слезы, истерика, звонок маме. Но вместо этого в груди

стало очень холодно. Так холодно, что даже перегар Вольского перестал казаться мерзким.

Я медленно перевела взгляд с мертвого ноутбука на лицо Макса. Он всё ещё улыбался своей фирменной кривой улыбкой победителя. Авиаторы он снял, и теперь его голубые глаза смотрели на меня с наглым превосходством.

— Ты хоть понимаешь, что ты сделал? — Мой голос прозвучал настолько спокойно, что мы оба вздрогнули. Даже его друзья перестали ржать.

— Слушай, Воробышек, — он закатил глаза. Слово «Воробышек» прилипло ко мне на первом курсе из-за фамилии Воробьева и привычки сутулиться. — Это всего лишь железка. Страховка есть? Нет? Ну вот. Бывает. Жизнь боль. Можешь написать на меня заяву в деканат, посмотрим, кого скорее отчислят — сына инвестора или тебя.

Это была угроза. Толстая, жирная, пахнувшая папиными деньгами. Максима отчисляли каждый семестр. И каждый раз ректор лично приносил ему извинения.

Я глубоко вдохнула. Выдохнула. Энергетик смешивался с адреналином, создавая гремучую смесь абсолютного спокойствия маньяка.

— Железка стоит восемьдесят тысяч, — ровным тоном сообщила я. — Это проблема твоего отца. А вот то, что утонуло вместе с ней...

Я выдержала паузу. Макс наклонил голову набок, ожидая продолжения слезливой драмы.

— ...это твоя жизнь, Вольский.

Он моргнул. Впервые за весь вечер алкоголь в его глазах уступил место недоумению. — Чё?

— Твой диплом, — уточнила я, отодвигаясь от липкой лужи. — Который ты забыл распечатать. Срок сдачи завтра в девять утра. Комиссия во главе с проректором. Помнишь? Или пиво отбило память окончательно?

Макс замер. Его плечи, до этого расслабленные, напряглись. Дружки за его спиной тоже притихли, осознавая, что шутки закончились.

— Откуда... — начал он, но осекся. Лицо медленно начало бледнеть под слоем искусственного загара. — Да ладно. Не гони. У меня копия на почте.

— На какой почте, Максим? — я чуть склонила голову, копируя интонацию нашей исторички. — Той, куда ты заходишь исключительно чтобы посмотреть мемы с котами? Ты удалил письмо с темой «ДИПЛОМ_СРОЧНО», когда оно пришло неделю назад, назвав секретаря старой дурой. Черниковов нет. Презентации нет. Текста нет. Есть только мокрая клавиатура и амбиции твоего папы, который пообещал лишить тебя кредитки, если вылетишь сейчас.

Я знала всё. Потому что именно я помогала секретарю кафедры верстать списки допущенных к защите. И я видела, как фамилия «Вольский» висела там на соплях из-за академических задолженностей. Декан дал ему последний шанс. Последний бумажный шанс.

— Ты блефуешь, — прохрипел Макс. Самоуверенности в его голосе убавилось процентов на сорок.

— Подними монитор, — кивнула я на свой погибший ноут. — Там лежит титульный лист. С твоей фамилией. Печать синий ручкой. Подпись научного руководителя. Единственное, что осталось сухим, потому что упало на пол.

Один из его друзей нервно хихикнул. Макс медленно, как в трансе, поднял крышку мертвого макбука. Уставился на белый лист бумаги, прижатый корпусом.

Тишина стала плотной, как бетон. Я допила остатки теплой, выдохшейся колы. Горечь во рту идеально соответствовала моменту.

— Двадцать минут двенадцатого ночи, — я посмотрела на часы на стене. — Защита через десять часов. Текст защищен моим паролем, восстановить ничего нельзя. Серверная бекапа библиотеки сгорела месяц назад, помнишь? Ты сам там курил рядом.

Макс выпрямился. Очки-авиаторы вернулись на нос, но теперь они выглядели не как аксессуар крутого парня, а как щит. Он обвел взглядом аудиторию, своих друзей, затем уставился на меня.

— Ты сделала это специально? — вдруг тихо спросил он. Агрессия сменилась холодной подозрительностью. — Стерва. Решила утопить меня, чтобы самой сиять ярче?

Мне захотелось рассмеяться ему в лицо. Настолько нелепым было предположение, что ради красного диплома я го-

това стать убийцей электроники.

— Расслабься, пупсик. Мне своего геморроя хватает. Просто констатирую факт. Завтра утром ты выйдешь к комиссии. Что скажешь? «Извините, моя курсовая совершила самоубийство, бросившись под струю латте?»

Макс молчал. Он смотрел на свои руки. Костяшки пальцев побелели. Вся эта вечеринка, пиво, понты — всё испарилось. Передо мной стоял двадцатилетний мальчишка, которого отец купил вместе с местом в этом вузе, и который впервые понял, что деньги не сушат залитый кофе.

— Ладно, — наконец выдавил он. Голос сел. — Допустим. И что ты хочешь? Денег? Новый макбук? Проси что угодно, только восстанови файл.

Я закрыла свою сумку. Проверила замок.

— Во-первых, денег у тебя нет. Карточку заблокируют сразу после того, как узнают об отчислении. Во-вторых, восстанавливать нечего. Пароль знаешь только ты и я. А ты будешь молчать, иначе я отправлю копию одной статьи о теневых схемах вывода активов вашего холдинга в прокуратуру. Думаю, налоговая будет рада почитать мои аналитические выкладки. Они лежат у меня на внешнем диске. Сухом.

Глаза Макса расширились. Он прекрасно знал, о чем я говорю. Моя вторая специализация — экономическая безопасность. Я писала эту статью полгода, собирая данные буквально по крупицам. Это был мой джокер.

— Шантажистка, — прошипел он.

— Реалистка, — поправила я. — Итак, условия сделки. Простые, как дважды два.

Я встала из-за стола. Ноги затекли, но голова работала кристально чисто. Энергетик добрался до синапсов.

— Первое. Мы идем в круглосуточное кафе. Нам нужен Wi-Fi, литры кофе и твои мозги, если они еще способны генерировать текст сложнее «lol». Второе. До девяти утра мы пишем твой диплом заново. С нуля. Третье. После защиты ты покупаешь мне точно такую же модель ноутбука. Нового. В заводской пленке. Цвет «космический серый».

Макс выслушал список, тяжело дыша. Алкоголь боролся с паникой, и пантика пока побеждала. — Ты в своем уме? Написать диплом уровня магистратуры за шесть часов? Это невозможно!

— Для тебя — да. Для меня — рутина. Вопрос лишь в цене стимуляции моих интеллектуальных ресурсов. Кстати, цвет можешь выбрать любой, кроме розового. Я ненавижу розовый.

Один из его друзей осторожно кашлянул: — Макс, чувак, она права. Батя реально кастрирует нас всех без наркоза, если...

— Заткнись, — оборвал его Макс, не сводя с меня взгляда. В его глазах плескалось чистое бешенство. — Почему ты мне помогаешь, Воробышек? Из-за ноута? Могу отдать тебе свой старый.

— Твой старый выглядит так, будто им забивали гвозди,

— отрезала я. — Я помогаю тебе, потому что люблю порядок. Когда таких, как ты, вышвыривают за неуспеваемость, воздух в университете становится чище. Но поскольку ректорат любит кэш больше, чем чистоту, я решу проблему. Взамен получу компенсацию. Это называется бартер.

Я застегнула куртку до самого горла. — Ну? Время идет. Либо мы едем писать историю медиа, либо ты едешь собирать вещи в родной особняк. Выбор за тобой.

Мы вышли в коридор. Пол четвертого утра. Университет напоминал заброшенный космический корабль — тусклый свет ламп, гул вентиляции и наши шаги, эхом отражающиеся от кафеля.

Его дружки остались сторожить вход в аудиторию, получив приказ найти любые черновики Вольского дома. Задача невыполнимая, учитывая, что Макс считал ручку инструментом для самозащиты.

Мы шли молча. Он впереди, широкими злыми шагами, засунув руки в карманы. Я следом, считая плитки под ногами. Шагов до выхода — сто двадцать четыре.

— Если батя узнает, что я работал с тобой... — процедил он сквозь зубы, открывая тяжелую входную дверь на улицу.

— Узнает, что ты чудом сдал благодаря собственному усердию, — закончила я за него, ежась от холодного ночного ветра. — Скажи спасибо, что я не попросила процент от акций.

У главного корпуса стояло такси. Желтая «Киа» с сонным

водителем. — Куда? — буркнул таксист, опуская стекло.

— Самый адский фастфуд на Садовой, — скомандовал Макс, садясь вперед. Он хлопнул дверью так, что зазвенели стекла. — И двойной эспрессо водителю. Иначе уснет.

Я села сзади. Кожзам сиденья неприятно холодил ноги. Внутри салона воняло освежителем воздуха «Новая машина» и отчаянием.

Макс обернулся ко мне. В свете уличных фонарей его лицо казалось усталым и хищным. Маска золотой молодежи дала трещину, и оттуда выглянуло что-то настоящее. Пугающее.

— Знаешь, что самое обидное? — сказал он, наклоняясь ближе. От него всё еще несло пивом, но теперь этот запах вызывал тревогу. — То, что ты, наверное, действительно сможешь это сделать.

— Смогу, — подтвердила я, доставая из сумки блокнот и карандаш. Карандаш всегда надежнее ручки — не течет и не требует идеальных условий. — Начнем с методологии. Открывай рот, сыпь умными словами, которые слышал на лекциях. Я переведу их на человеческий.

Водитель завел мотор. Радио тихо запело голосом какого-то грустного репера. Макс отвернулся, уставившись в окно. Он сидел неподвижно минут пять, пока мы выезжали на проспект. Я уже начала думать, что он отключился, положив голову на подголовник.

Затем он резко повернулся. Хищная улыбка вернулась на

место, но теперь в ней было гораздо меньше веселья и гораздо больше азарта.

— Хорошо, Воробышек, — он щелкнул пальцами перед моим лицом. — Играем. Но учти: если к девяти утра это говно не превратится в конфетку, я сожгу твой будущий макбук прямо у тебя на глазах. А потом скажу папе, что ты пыталась меня изнасиловать в сортире. Посмотрим, чей PR-отдел круче.

Я посмотрела на его ухмыляющееся лицо. Потом на чистый лист в блокноте. Сердце стучало быстро, но не от страха. От предвкушения. Это будет самая длинная ночь в моей жизни. И, черт возьми, самая веселая.

— Пристегнись, Максим, — сказала я, открывая чистую страницу. — Турбулентность начинается сейчас.

Такси тронулось, увозя нас в сторону круглосуточной обжорки. За окном мелькали огни города, которым не было дела до тонущего студента и девочки с убитым ноутбуком.

Мой идеальный план курсовой умер в луже колы. Вместо него родился монстр Франкенштейна из чужого диплома, пяти банок энергетика и лютой ненависти.

Но знаете что? Монстр обещал быть великолепным.

Глава 2. Методология выживания, или Анатомия мажора

Кафе «Ночной Дозаправ» на Садовой пахло пережаренным маслом, хлоркой и безысходностью — стандартный пар-

фюм любого заведения, которое не закрывается после полуночи. Под потолком лениво вращались лопасти вентилятора, разгоняя сигаретный дым, хотя курить внутри было запрещено лет десять назад.

Мы заняли кабинку в самом дальнем углу. Идеальный наблюдательный пункт: виден вход, кухня и единственный туалет, где Макс уже дважды пытался уснуть прямо на бачке.

— Еще два двойных эспresso, — бросила я официантке, женщине с лицом древнегреческой трагической маски. — И пепельницу. Я знаю, что нельзя, но мне сегодня можно всё.

Макс сидел напротив, закинув ноги в грязных кедах на противоположную сидущку. Он молчал последние двадцать минут пути, пока мы тряслись в такси, и это молчание пугало меня больше, чем его пьяные вопли. Пьяный Вольский был предсказуемым идиотом. Трезвый и злой Вольский напоминал акулу, запертую в бассейне с золотыми рыбками.

Он медленно снял очки-авиаторы и устало потер переносицу. Без темных стекол лицо выглядело иначе — острее. Появились тени под глазами, а сама радужка оказалась не просто голубой, а цвета штормового моря перед бурей.

— Повтори еще раз, Воробышек, — он щелкнул пальцами, подзывая официантку. — Мне нужно сорок страниц воды про то, как телевидение влияло на умы масс? Или про влияние интернета?

— Тебе нужно сорок страниц связного текста, который декан сможет прочитать вслух, не засыпая, — я подвину-

ла к нему по липкому столу свой блокнот. На первой странице красовался заголовок, написанный моим идеальным каллиграфическим почерком: «Дипломная работа. Вольсий М.А.». — Тема звучит так: «Эволюция клипового мышления потребителя контента в эпоху социальных сетей». Звучит умнее, чем ты есть на самом деле. Это твой спасательный круг.

Макс скривился, глядя на надпись: — Серьезно? Клиповое мышление? Да во сне интереснее. Напиши лучше про баб. Про психологию измен. У меня друг разводится, там драма такая, Тарантино отдыхает.

— Психология измен стоит в списке за прошлый год, — отрезала я, открывая ноутбук Макса. Тот самый, розовый, со стразами вокруг камеры — подарок какой-то инстаграм-модели. — А теперь слушай сюда. Времени мало. Сейчас тринадцать. К шести утра у нас должен быть готовый черновик введения и первой главы. Иначе в девять тебя отчислят, карточку заблокируют, и тебе придется жить на вокзале. Ты когда-нибудь спал на вокзале, Максим? Там нет ортопедических матрасов.

Я начала печатать. Звук клавиш моего старого Lenovo казался выстрелами в этой утренней тишине кафе. *Тр-р-рак. Тр-р-рак.*

— Итак. Актуальность темы обусловлена тотальной цифровизацией...

— Стой, — Макс перехватил мою руку над клавиатурой.

Его пальцы были горячими. — Что значит «обусловлена»? Мы же не в суде. Пиши нормально. Типа... ну... сейчас все тупые из-за тиктока. Давай отсюда плясать.

Я посмотрела на него долгим взглядом. Затем перевела взгляд на его руку, лежащую поверх моей. Ногти обгрызены, костяшки сбиты — следы гитарных струн и уличных драк. Контраст между его внешностью бунтаря и полным отсутствием мозга для написания академического текста был настолько комичным, что уголок моих губ дернулся вверх.

— Если мы напишем «все тупые», диплом сожжет комиссия, — спокойно сказала я, высвобождая руку. — Но если написать «наблюдается деградация навыков глубокого анализа при переходе к сверхдинамичному визуальному контенту», декан кончит от счастья. Понял разницу?

— Понял, что ты заноза в заднице, — буркнул он и жестом заказал бармену двойной виски. — Мне тоже плесни!

— Ему воду без газа, — рявкнула я через плечо. — Если он окосеет раньше, чем закончит абзац, я лично выкину его в мусорный бак.

Бармен посмотрел на меня с уважением. Кажется, впервые за пять лет учебы кто-то поставил Максима Вольского в угол. По крайней мере, интеллектуально.

Следующие полчаса прошли в сюрреалистичной симфонии. Я строчила текст, периодически пиная ногой ножку стола, чтобы Макс очнулся от полудремы.

— ...Таким образом, формируется феномен «золотого ок-

на внимания», составляющего примерно восемь секунд, — диктовала я сама себе. — Превышение данного лимита ведет к когнитивной усталости реципиента...

— Реципиент — это болезнь почек? — сонно спросил Макс, катая по столу пустой стакан из-под воды.

— Это ты, если не перестанешь ныть, — я ткнула в него карандашом. — Открывай рот. Расскажи мне о своем детстве. Только правду. Чем вы давили людей в элитной гимназии? Словарным запасом или весом кошелька отца?

Макс фыркнул, подавляя смешок. Алкоголь окончательно выветривался, уступая место адреналину загнанного зверя. Он откинулся на спинку диванчика, скрипнув кожей куртки.

— Ладно, зубрила. Хочешь правды? — он наклонился вперед, упираясь локтями в стол. Свет лампы упал на его лицо, делая черты резкими, почти хищными. — Гимназия была адом. Папа платил за охрану, которая была морду любому, кто смотрел на меня косо. Учителя ставили пятерки, потому что боялись увольнения. Я ненавидел каждый день в этом зоопарке. Единственное место, где ко мне относились как к человеку — это гараж. Где мы с пацанами играли панк-рок. Гроши на барабанах лупили так, что уши закладывало. Там я чувствовал себя живым. А не золотой копией своего папаша.

Повисла пауза. Шипел автомат с газировкой. За соседним столиком похрапывал таксист, которого мы притащили с собой, пообещав оплатить поездку.

Я замерла с занесенной над клавиатурой рукой. Ожидала услышать историю про яхты и шлюх, а получила исповедь ребенка из золотой клетки. Это плохо. Очень плохо. Эмпатия мешает торговаться. Если я начну ему сочувствовать, то не смогу потребовать новый макбук.

— Какое отношение гаражи имеют к клиповому мышлению? — холодно спросила я, возвращая маску ледяной стервы.

— Прямое, — ухмыльнулся Макс, мгновенно захлопывая створки своей раковины. Панцирь вернулся на место. — Люди смотрят тикток по восемь часов не потому, что они дебилы. Они пытаются найти этот... эффект гаража. Чтобы мозг отключился. Чтобы ничего не чувствовать. Мой отец смотрит новости по телевизору часами — он старпер, ему норм анализировать. А мы смотрим челиков, которые взрывают микроволновки, потому что реальность слишком сложная. Она требует решений. А решение у нас одно — ждать наследства.

Я моргнула. Записала тезис. *«Блокировка эмоционального интеллекта как защитный механизм поколения наследников...»* Черт. Это гениально. Это свежо. Это тянет не просто на диплом, а на публикацию в научном журнале.

— Почему ты не пошел в психотерапевты? — пробормотала я. — Из тебя бы вышел отличный шарлатан.

— Платят меньше, чем папа выдает на карманные, — парировал он. — Так, дальше что? Я устал. Хочу в кроватку.

Можешь уложить меня рядом? Обещаю не храпеть.

— Ты ляжешь в кроватку только в камере предварительного заключения, если завалишь защиту, — я нажала Ctrl+S. Файл назывался DIPLOM_SPASIT_NECHTO.docx. — Переходим к объекту и предмету исследования. Объект — потребитель. Предмет — его пустая голова. Формулируй.

— Голова не пустая, — обиделся Макс. — Там много места для пива.

Официантка принесла наш заказ. Передо мной дымящийся кофе, перед ним — графин воды. Макс понюхал воду, поморщился и выпил залпом половину.

— Ладно, уговорила, — он вдруг стал серьезным. Откинул волосы с лица. При свете дешевых люминесцентных ламп стало видно, что он чертовски красив той самой порочной красотой, от которой школьницы теряют рассудок. — Работаем. Но у меня условие.

— У тебя нет права на условия. Твоя позиция снизу, милый.

— Условие такое, — он проигнорировал шпильку. — Никаких упоминаний моего отца в тексте. Вообще. Никакого плагиата из Forbes. Если декан поймет, что я живу за чужой счет, он меня утопит чисто из принципа. Мы пишем про абстрактного студента. Бедного. Талантливого. Борющегося с системой.

Я чуть не поперхнулась кофе. Абстрактный бедный студент Максим Вольский — это сюжет для черной комедии.

— То есть ты хочешь, чтобы я написала сказку? Манифест угнетенного миллионера?

— Я хочу спасти свою задницу, — он перегнулся через стол. Расстояние между нашими лицами сократилось до десяти сантиметров. — И твою новую игрушку стоимостью в сто тысяч. Не беси меня, Арина. Просто делай красиво.

От него пахло мятой и озоном. Такой запах бывает после грозы. Я инстинктивно отпрянула, чувствуя, как предательски теплеют щеки. Спокойно, Арина. Это всего лишь физиология. Недостаток сна плюс тесное помещение. Плюс Стокгольмский синдром — начинаешь симпатизировать захватчику.

— Хорошо, — сухо согласилась я, увеличивая дистанцию до безопасной. — Будем лепить образ юного гения-самоучки. Текст будет держаться на теории Бодрийера и твоей якобы глубокой рефлексии. Главное — не засмеяться в голос, когда будешь защищать эту чушь комиссии.

— Я могу быть очень убедительным, когда надо, — промурлыкал он.

И началось самое странное сотрудничество в истории высшей школы. Я стала его голосом. Моей задачей было переводить хаос, творящийся в голове Вольского, на язык академического снобизма. Он генерировал идеи уровня кухонной философии («Инста-блогеры крадут наши души!»), а я упаковывала их в термины вроде «симулякр гиперреальности».

— Пиши, — командовал он, размахивая руками. — Кор-

порации продают нам иллюзию выбора. Мы думаем, что сами выбираем эти шмотки, а на деле алгоритм подsunул нам рекламу того парня, которому заплатили. Свобода воли умерла вместе с кассетными плеерами. Мощно звучит? Используй это.

— Это Маркс для бедных, — комментировала я, быстро печатая. — Но сойдет для второго курса. Для пятого маловато глубины. Добавь статистики. Сколько процентов подростков страдают СДВГ?

— Все мои знакомые, — хмыкнул Макс. — Особенно после солей... Ой. В смысле, после энергетиков. Пиши: высокий уровень тревожности.

К пяти утра «Ночной Дозаправ» начал заполняться людьми. Приходили водители маршруток, заканчивающие смены, проститутки, пересчитывающие выручку, и такие же несчастные студенты, дописывающие курсовые.

Мой текст пух на глазах. Пятнадцать страниц. Двадцать. Структура держалась на честном слове и трех литрах кофеина. Глаза начало жечь огнем. Буквы на экране расплывались в желтые пятна.

Макс тоже сдавал позиции. Он перестал ерзать. Теперь он просто сидел, положив подбородок на кулак, и неотрывно смотрел на меня.

— Что? — не выдержала я, отрываясь от монитора. Спина хрустнула. — У меня рог во лбу вырос?

— Нет, — тихо сказал он. — Ты красивая, когда злишься

и сосредоточена одновременно. Обычно ты похожа на библиотечаршу, которая ищет предлог вызвать полицию. А сейчас... выглядишь живой.

Комплимент застал врасплох. Я привыкла быть невидимкой. Функцией. Девочкой, которая знает ответы на семинарах. Женская привлекательность никогда не входила в мой бизнес-план.

— Следи за текстом, философ, — огрызнулась я, надеясь, что румянец не замечен в полумраке. — Осталось введение и заключение. Потом форматирование. Поля, отступы, шрифты. Это займет час.

— Полшестого утра, — Макс посмотрел на свои часы Rolex. Даже здесь, в дешевом кабаке, золото часов нагло блестело. — Знаешь, Воробьев, ты единственная женщина в радиусе ста километров, которая отказала мне трижды за одну ночь. Сначала сесть рядом в такси. Потом выпить. Потом дать списать мысли из головы напрямую.

— Дай угадаю, обычно схема работает? — я вставляла список литературы, фальшивый на девяносто процентов. Монографии несуществующих авторов всегда заходят на «ура».

— До тошноты, — он криво улыбнулся. Заказал еще воды. — Поэтому ты мне и нравишься. С тобой опасно. Никогда не знаешь, получишь ли ты поцелуй или судебный иск.

Сердце пропустило удар. Слово «нравишься» повисло в воздухе между нами, жирное и тяжелое. Это ловушка, Ари-

на. Классическая манипуляция мачо. Развести ботаничку на эмоции, чтобы она сделала работу бесплатно. Но руки почему-то слегка задрожали.

— Заканчивай вводные слова, — скомандовала я более резко, чем хотела. — Глава первая: «Трансформация медиапотребления в условиях пандемии и постковидной реальности». Поехали.

Макс вздохнул, театрально закатывая глаза, но послушно заговорил. Его голос становился тише, монотоннее — усталость брала свое. — После вируса люди поняли, что могут сидеть дома. Экран стал единственным окном в мир. Окно стало решеткой. Мы добровольно зашили себя в матрицу... Блин, Арин, я реально сейчас засну.

Его голова медленно клонилась вниз. Вот она опустилась на спинку дивана. Плечи обвисли. Через минуту раздалось тихое, равномерное сопение. Максим Вольский, гроза первокурсниц и кошмар деканата, уснул сидя, подложив под щеку ладонь. Выглядящий абсолютно беззащитным.

Я смотрела на него несколько долгих секунд. Затем аккуратно, стараясь не потревожить, вытащила из-под его головы свою сумку. Достала наушники. Воткнула их в уши и включила плейлист «Brain.FM — Глубокая концентрация».

Война войной, а биоритмы по расписанию. У меня оставалось тридцать минут на завершение главы, прежде чем мой собственный мозг превратится в тыкву.

Я печатала следующие полтора часа практически в тиши-

не, прерываемой только храпом уставшего водителя за соседним столом и редким бульканьем кофемашины.

Текст был готов. Сорок две страницы отборной, высококлассной ахинеи, приправленной настоящими мыслями человека, который отчаянно пытается казаться хуже, чем он есть. Я добавила графики (нарисованные в Paint), таблицы (выдуманные) и ссылки на источники (часть из которых вела на статьи в Maxim, потому что проверять их никто не будет).

В 07:15 утра я нажала кнопку «Печать». Старый принтер кафедры нутужно взвыл, выдавая первую страницу. Запах горячего тонера — лучший аромат в мире.

Макс проснулся ровно в 07:20. Резко, как срабатывает сигнализация. Оглядел мутным взглядом кафе, затем меня, затем стопку бумаги в моих руках.

— Сделала? — прохрипел он.

— Держи, — я толкнула теплую распечатку через стол. — Ознакомься. Герой получился таким ублюдком, что даже декан проникнется жалостью и поставит четверку.

Он взял листы дрожащими руками. Пробежал глазами первый абзац. Нахмурился. Перевернул страницу. На его лице отразилась целая гамма эмоций: недоверие, шок, а затем... что-то похожее на уважение.

— Ты переписала всё, что я нёс ночью? — тихо спросил он.

— Я упаковала твой словесный понос в бриллиантовую бумагу, — я закрыла ноутбук. Усталость навалилась бетон-

ной плитой. — Моя смена окончена. Лифт в общежитии включают в семь тридцать. Бегом, Вольский. У тебя есть полтора часа, чтобы запомнить это хотя бы на троечку.

Я встала, взяла свою сумку и направилась к выходу. Солнце только поднималось над городом, окрашивая крыши в нежно-розовый. Я провела сутки без сна, заработала тремор рук и смертельную дозу ненависти к человечеству.

Но завтра у меня будет новый MacBook. Эта мысль грела лучше, чем восходящее солнце.

Глава 3. Эффект прожектора и анатомия лжи

Защита дипломов напоминала утренник в преисподней, только вместо стихов про елочку здесь читали выдержки из Википедии дрожащими голосами. Я сидела на последнем ряду аудитории 402, стараясь дышать через раз. Воздух был густым от запаха чужого страха, дешевого парфюма и валерьянки, которой наш декан, Борис Львович, видимо, заправлял свой портфель.

Мой старый Lenovo лежал выключенным. Файл DIPLOM_SPASIT_NECHTO.docx я отправила Максиму еще в шесть утра с припиской: «Не благодари. Просто купи макбук». С тех пор он не написал ни слова. Ни «спасибо», ни «ты дьявол», ни смайлика. Полная радиомолчание. Это нервировало больше, чем если бы он слал мне дикпики.

— Воробьева Арина Сергеевна, — пробасил секретарь кафедры, заглядывая в список.

Сердце привычно екнуло. Мой выход. Я шла к трибуне как на эшафот — идеально прямая спина, папка с распечаткой, взгляд поверх голов комиссии. Борис Львович смотрел на меня сквозь очки-полумесяцы со смесью отеческой нежности и профессионального садизма. Рядом с ним сидел приглашенный гость — какой-то хлыщ из медиахолдинга, спонсирующего нашу кафедру. Хлыщ скучающе листал ленту новостей на планшете.

— Тема моей выпускной квалификационной работы, — начала я звонким, поставленным голосом, — «Трансформация образа женщины-потребителя в глянцевого медиа эпохи Web 2.0».

Я говорила двадцать минут. Двадцать минут чистого экстаза филолога. Я жонглировала именами Бодрийяра и Дебора так, словно мы вместе пили чай вчера вечером. Графики росли, статистика пугала, выводы били обухом по голове. Комиссия кивала. Декан улыбался уголком рта. Это была победа. Чистая, хрустальная победа отличницы.

— Спасибо, Арина Сергеевна, — кивнул декан, когда я закончила. — Вопросы?

Рука взметнулась вверх быстрее, чем у первоклассника, знающего ответ. Максим Вольский. Он сидел развалившись, закинув ногу на ногу. На нем был костюм, который стоил дороже всей мебели в этой аудитории, но галстук был опущен, а верхняя пуговица рубашки расстегнута. Выглядел он так, будто его всю ночь пытали бессонницей, и это было

недалеко от истины.

— Арин, — протянул он, растягивая гласные. От звука его голоса у меня свело скулы. — Очень... академично. Сухо. Как инструкция к холодильнику. Ты пишешь о женщинах, которые покупают кремы за пятьсот баксов, чтобы трахаться с такими, как я. Но ты сама хоть раз покупала крем дороже проездного?

По аудитории прошелестел смешок. Кто-то поперхнулся воздухом. Борис Львович нахмурился: — Максим, держите себя в рамках научной дискуссии!

— А где тут наука? — Макс пожал плечами. Он встал и медленно пошел ко мне, обходя ряды стульев. Его глаза были темными, без малейшего намека на вчерашний алкоголь. Абсолютно трезвый, собранный и опасный. — Она говорит о симулякрах. О том, что реклама крадет душу. Но она забыла главное. Реклама дает надежду. Девочка смотрит на модель Victoria's Secret и верит, что если купит эти трусы, принц заметит её прыщи. Это не кража. Это сделка. Ты продаешь иллюзию, тебе платят деньгами или вниманием. Все честно.

Он остановился прямо перед моей трибуной. Теперь нас разделяло сантиметров тридцать пространства, наэлектризованного до предела. Он наклонился чуть ниже, понижая голос до бархатного шепота, слышимого, впрочем, даже на задних рядах: — Скажи им правду, Воробышек. Что твоя гениальная работа написана девственницей для импотентов. Будет весело.

Я почувствовала, как горят уши. Ярость ударила в голову кипятком. Эта скотина. Этот манипулятор. Он специально рушит мою защиту, потому что может. Потому что ему скучно.

Я положила руки на трибуну. Пальцы побелели от напряжения. Внутри боролись две Арины. Одна хотела швырнуть в него графином с водой. Вторая — та самая девочка, которая писала ночами фанфики про плохих парней — хотела прижаться к нему ближе. Обе проиграли третьей — профессионалу.

— Благодарю за вопрос, господин Вольский, — мой голос прозвучал ровно, хотя колени подкашивались. — Ваше замечание ценно своей бытовой глубиной, однако оно лишено методологической базы. Иллюзия выбора действительно является фундаментом консьюмеризма, но вы путаете причину со следствием. Потребитель платит не за надежду купить секс. Потребитель платит за анестезию одиночества в мегаполисе. Труссы становятся социальным клеймом принадлежности к касте «успешных». Если вам интересно обсуждение либидо первокурсниц, предлагаю перенести дискуссию в курилку после защиты. А сейчас мы обсуждаем семиотику бренда.

Я мило улыбнулась. Улыбкой кобры, готовой к броску. Макс моргнул. Впервые за весь диалог он растерялся. Он ожидал слез, смущения или ответной грубости. Получил лекцию.

— Ну-у-у... ладно, — он отступил на шаг назад, возвращая себе развязность. — Зачет по словарному запасу. Садитесь, пять.

Когда я вернулась на свое место, соседка справа ткнула меня локтем в бок: — Он тебя хочет. Прямо здесь. Жутко выглядит. — Он хочет довести меня до инфаркта, — процедила я, пытаюсь унять дрожь в руках. — Чтобы не отдавать деньги за ноутбук.

Началась очередь Вольского. Секретарь объявил тему: «Эволюция клипового мышления потребителя контента в эпоху социальных сетей». Макс вышел к трибуне. Положил на неё мои распечатанные сорок страниц. И начал говорить.

Первые две минуты я слушала с открытым ртом. Это был тот самый текст. *Мой* текст. Мои формулировки, моя структура, даже мои любимые вводные слова вроде «следовательно» и «обратимся к ретроспективе». Но звучало это иначе. Когда читала я — это была сухая теория. Когда читал он — это звучало как приговор человечеству. Он делал паузы там, где нужно испугаться. Повышал голос там, где речь шла о деградации. Он продавал эту ахинею комиссии так, словно пытался впарить им подержанный вертолет.

Хлыщ из холдинга отложил планшет. Подался вперед. Даже Борис Львович перестал дремать.

— Мы превратились в аквариумных рыбок, — вещал Макс, глядя прямо в глаза декану. — Нам бросают яркую крошку TikTok-ролика. Мы глотаем. Через восемь секунд

забываем и просим еще. Глубины нет. Есть только поверхность. Глянцевая, красивая, пустая. Мой отец строит эти фабрики грез. И знаете, что самое страшное? Рабочие этих фабрик счастливы. Им не нужна свобода воли. Им нужен новый сезон сериала.

Он закончил. Коротко поклонился. Тишина висела секунды три. Священная тишина абсолютного шока. Затем хлопнули ладони. Хлыщ аплодировал стоя. — Блестяще! — воскликнул он. — Вот это рефлексия! Живой ум! Молодой человек, после защиты зайдите ко мне в офис, обсудим стажировку. Мне нужны такие циничные ублюдки.

Декан сиял, как медный таз. Пятерка Макса была решенным вопросом. Самый безнадежный разгильдяй курса только что спас честь факультета.

А я сидела, смотрела на его довольную физиономию и понимала одну простую вещь: он украл не просто файл. Он украл мою личность. Он примерил мой мозг, как дорогой костюм, и всем понравилось.

После окончания официальной части началась суeta. Студенты носились, подписывая ведомости. Я стояла у окна в коридоре, подставляя лицо холодному кондиционеру, пытаюсь остудить кипящую злость. Новый MacBook казался теперь самой маленькой компенсацией во вселенной.

— Эй, Зубрила. Голос раздался совсем рядом. Я не обернулась. — Говорят, поздравлять с пятеркой нельзя — плохая примета. Могу предложить компенсацию натурой.

— Какой именно? — спросила я, не поворачиваясь. — Надеюсь, твой член умеет писать код верстки InDesign? Или открывать защитный пластик упаковки Apple зубами?

Макс тихо рассмеялся. Он подошел и встал рядом, плечом касаясь моего плеча. Тепло его тела ощущалось даже через ткань. — Злая какая. Не выпалась?

— Я потратила двенадцать часов жизни на то, чтобы ты не вылетел из вуза, — я наконец повернулась к нему лицом. — Где. Мой. Ноутбук.

Он театрально вздохнул, полез во внутренний карман пиджака и достал ключи от машины. На брелоке болталась карточка-пропуск черного цвета с золотым тиснением. — Машина внизу. Синяя. Ключи там же. Новенький Air уже внутри, ждет свою госпожу. Пленка содрана, можешь гладить.

Я взяла ключи. Металл был теплым от его тела. — Цвет космический серый? — Как договаривались. Плюс чехол. Розовый, кстати. Решил, что он подойдет к цвету твоего лица, когда ты злишься.

Я посмотрела на него снизу вверх. Рост позволял смотреть именно так — задрав подбородок. — Почему ты сам всё рассказал? Про гараж, про отца, про ненависть к системе? Для человека, чей папа купил ему половину города, это слишком глубокая саморефлексия.

Улыбка сползла с его лица. Он посмотрел на свои часы, потом на толпу студентов. — Потому что они должны верить, что я дебил с деньгами, а не дебил без них, — тихо ска-

зал он. — Тот парень из холдинга... Он сын конкурента моего отца. Если бы я нес обычную чушь, он бы выплюнул меня в урну. А когда я говорю правильные вещи правильным языком... он видит потенциал. Видит хищника. Ему плевать, кто писал текст. Ему важно, кто его произносит.

Он сделал шаг ближе. Нарушая мое личное пространство окончательно. — Так что спасибо, партнер. Сделка закрыта. Каждый получил своё. Ты — игрушку. Я — пропуск в высшую лигу.

Логика была безупречной. Холодной. Мерзкой. Именно такой логикой я сама оправдываю свои поступки. Но почему-то слышать это от него было больно.

— Знаешь, Вольский, — я сделала шаг назад, разрывая контакт. — Проблема людей вроде тебя в том, что вы думаете, что все продаются. Любовь продается. Дружба продается. Диплом пишется за макбук. Но есть люди, которым просто нравится делать работу хорошо. Ненавидя заказчика каждую секунду процесса.

Я развернулась, намереваясь уйти к лифту. Оставить последнее слово за собой. Классическая ошибка героя. Его рука метнулась быстрее змеи, хватая меня за запястье. Не грубо, но крепко. Замок. — Работа сделана хорошо, — прошептал он мне в затылок. Голос вибрировал. — Но сделка не закрыта.

Я замерла. Сердце снова начало отбивать чечетку. — Условие было: диплом в обмен на макбук. Всё на столе.

— Было первое условие, — он обошел меня, вставая напротив. Его голубые глаза потемнели. — Второе условие вступает в силу сейчас.

— Денег нет, антиквариата тоже, сразу говорю, — попыталась пошутить я, но вышло жалко.

— Мне не нужны твои деньги, Арина, — он усмехнулся, но улыбка не коснулась глаз. — Мне нужно продолжение эксперимента.

— Какого эксперимента? — выдохнула я.

— Клиповое мышление, помнишь? — его пальцы всё ещё сжимали моё запястье. — Восемь секунд внимания. Ты удерживала комиссию полтора часа. Ты единственная, кому я вообще отвечаю всерьез. Остальные видят оболочку. Ты... ты смотришь сквозь неё. Это бесит. Это заводит. Это опасно.

Он придвинулся вплотную. Запах дорогого табака (хотя я знала, что он не курит — это одеколон), мяты и чего-то звериного. — Я хочу узнать, сколько внимания ты можешь уделить одному человеку. Лично. Взамен.

— Взамен на что? — прошептала я пересохшими губами.

— Взамен на молчание, — он отпустил моё запястье, но лишь для того, чтобы провести пальцем по линии моей челюсти. Кожа вспыхнула огнем. — О твоей статье. Той самой. Экономической. Про активы папы. Черновики лежат у тебя на внешнем диске, да? Те самые, с анализом офшоров. Если эта статья попадет куда не надо, холдинг рухнет. Отец потеряет всё. Меня лишат всего. Включая воздуха.

Воздух выбило из легких. Вот значит как. Шантаж вернулся бумерангом. Только вместо статьи он бил по моему самому больному месту — по чувству справедливости и любопытству исследователя.

— Ты блефуешь, — сказала я, хотя голос дрогнул. — У тебя нет доказательств.

— У меня есть ты, — спокойно ответил он. — Которая копала полгода. Собирала данные. Сидела в библиотеке до закрытия. Зачем такая умная девочка тратит время на грязные деньги чужой семьи? Из любви к искусству? Нет. Из-за стипендии? Мелко. Ты хочешь сожрать акулу, маленькая пиранья. Признай.

Он прав. Господи, он абсолютно прав. Статья была моим личным Граалем. Мечтой доказать, что короли голые.

— Чего ты хочешь? — выдавила я.

— Ужин, — он пожал плечами, словно просил соли передать. — Сегодня. В восемь. Ресторан «Высота». Черное платье. Никакого белья, которое видно сквозь ткань — ненавижу безвкусицу. Будь красивой. Будь той занозой, которую я видел сегодня на защите. Поужинаем, поговорим. Расскажешь мне, почему ненавидишь мужчин в дорогих костюмах.

— Это свидание? — уточнила я деревянным языком.

— Это деловой ужин, — отрезал он. — Переговоры о взаимном ненападении. Один вечер твоего драгоценного времени в обмен на безопасность моей семьи и сохранность твоего нового макбука, который стоит на паркинге. Ключи, кста-

ти, отдашь после десерта.

Я смотрела на него и видела схему. Идеальную, жестокую сделку. Он знал, что я не смогу отказаться. Угроза статьей — это страх. Угроза макбуком — это жадность. Смесь смертельная.

— Хорошо, — кивнула я. — В восемь.

— Умная девочка, — он мягко щелкнул меня по кончику носа. — И, Арина... — Что? — Совет на будущее. Когда играешь в покер с профи, никогда не показывай свои карты раньше времени. Особенно те, что спрятаны в рукаве. Статья пахнет тюрьмой. Не дай повод проверить этот запах.

Он развернулся и пошел прочь по коридору, засунув руки в карманы. Широкая спина, уверенная походка короля мира. А я осталась стоять с колотящимся сердцем, осознавая, что попала в клетку, ключ от которой лежит в кармане парня, которого хочется одновременно ударить учебником по голове и поцеловать до потери пульса.

К ресторану «Высота» я подъехала на такси. Свой новый серебристый MacBook везла в фирменном пакете — глупая сентиментальность, хотелось зайти с ним под мышкой, как с трофеем. На входе стоял суровый охранник. Я назвала фамилию. Он смерил меня взглядом с головы до ног, задержавшись на простом черном платье-футляре, кивнул рации и пропустил.

Лифт вознес меня на крышу небоскреба. Город раскинулся внизу миллиардами огней. Отсюда люди выглядели как

муравьи, спешащие в свои пластиковые коробки. Смешно думать, что их выборы свободны. Они просто бегут за новой порцией сахара.

Макс сидел у панорамного окна. Перед ним стоял бокал с темно-рубиновой жидкостью. Костюм сменился на черную водолазку и брюки — униформа богатого художника. При виде меня он поднялся.

— В пакете бомба или яблоко? — спросил он, кивая на коробку с ноутбуком.

— Документы на передачу имущества, — съязвила я, проходя к столику.

Мы сели. Официант материализовался из воздуха, наполнил мой бокал водой. Первая минута прошла в тишине. Это была странная тишина. Не неловкая, а оценочная. Два хищника принохиваются друг к другу.

— Еда за твой счет, — начала я первой, нарушая правила этикета. — Раз уж ты конфисковал выкуп.

— Конфисковал? — он приподнял бровь. — Малышка, это называется обеспечительной мерой. Чтобы ты не сбежала с товаром. Кстати, он прекрасен. Тонкий. Легкий. Эклипс-про. Я добавил памяти, зная твою страсть хранить гигабайты отвратительного слэш-фэнтези.

Земля ушла из-под ног. — Откуда... откуда ты знаешь про файлы?

Макс откинулся на спинку кресла и расхохотался. Искренне, запрокинув голову. — Господи, Воробышек. Ты

думала, я просто кофе пролил? — отсмеявшись, он покачал головой. — Я взломал твой ноут еще в ту ночь. Пока ты печатала мой диплом, левая половина твоего мозга искала способ убить меня чайной ложкой, а правая... правая забыла закрыть доступ к облаку. Пароль «Vorobushk@_Loves_BadBoys_18». Серьезно? Тебе девятнадцать, хватит жить в фанфиках нулевых.

Щеки обожгло стыдом. Самым унижительным, химически чистым стыдом. Он прочитал всё. Мою курсовую. Мой диплом. Мою статью-разоблачение. И мои оргии между строк, где мускулистые демоны любят трепетных монашек.

— Ты... ты рылся в моем личном, — прошипела я.

— Я проводил аудит рисков, — поправил он. — Узнавать партнера по сделке — базовая гигиена бизнеса. Итак. Королева Драматургии пишет порно высшего сорта. Это многое объясняет. Например, почему твой научный язык звучит как прелюдия.

— Заткнись, — я залпом отпила воды. Горло пересохло. — Что тебе нужно на самом деле? Кроме издевательств. Статья никуда не пойдет, пока я не найду последнего свидетеля. У нас пат.

— У нас химия, — он подался вперед, опираясь локтями на стол. Свет лампы подсветил его ресницы. — Пат — это скучно. Я предлагаю союз.

— Против кого? Папы?

— Против скуки, — он взял оливку из вазочки и забросил

в рот. — Посмотри вокруг, Арина. Эти люди, — он махнул рукой в сторону других столиков, где сидели ухоженные пары, — они мертвы. Они едят еду, которая ничего не весит, и разговаривают о процентах акций. Я вырос среди этого пластика. Ты выросла среди книжных штампов. Мы с тобой — единственные настоящие вещи в этом музее лицемерия. Давай развлечемся.

— Развлечемся? — я горько усмехнулась. — Твоя форма развлечения — уничтожать чужое имущество. Моя — сажать таких, как твой отец, за решетку. Прекрасный фундамент для отношений.

— А кто сказал про отношения? — он накрутил на вилку спагетти. — Я говорю про игру. Правила простые. Ты помогаешь мне стать идеальным наследником. Я помогаю тебе достать компромат на моего отца. Папа думает, что я конченный идиот. Пусть продолжает так думать. Чем меньше он меня опасается, тем более расслаблен. Тем легче найти скелеты в его шкафу. Ты получишь свою статью и Pulitzer. Я получу империю, когда старик решит, что пора на пенсию. Win-win.

Я смотрела на него, пытаясь найти подвох. Логика была дьявольской. Использовать врага, чтобы уничтожить другого врага. — Почему я должна тебе верить?

— Не должна, — он пожал плечами. — Но альтернатива — война. Ты будешь рыть землю годами. Я буду гадить тебе в тапки. Мы потратим молодость на ненависть. А можем по-

тратить её на красивый, интеллектуальный, жесткий секс на фоне крушения старого мира. Выбирай.

Официант принес стейки. Кровавые, сочные. Мясо символизировало суть нашего разговора.

— Ты психопат, — констатировала я, разрезая кусок.

— Диагноз ставят врачи, — парировал он. — Я называю это адаптивностью. Так что скажешь, партнер? Обновляем контракт? Добавляем пункт о совместном шпионаже?

Я долго молча жевала мясо. Внутри всё кричало «Беги». Инстинкты самосохранения бились в истерику. Но другая часть меня — та, что написала сорок страниц диплома за ночь, та, что дышит интригами и разоблачениями — визжала от восторга. Играть против Максима Вольского на его поле. Самой стать частью системы, чтобы взорвать её изнутри. Это было самым большим нарушением правил в моей жизни.

Я допила вино. Поставила бокал на стол. Посмотрела ему прямо в глаза.

— Хорошо, — кивнула я. — Союз. Но условия меняются.

— Весь во внимании.

— Во-первых, никакого секса. — Я подняла палец, видя, как расплзается его ухмылка. — Платонический союз злых гениев. Мы коллеги. Спим отдельно.

— Коллеги, которые пишут друг другу слэш-фики в рабочее время? — фыркнул он. — Ладно, принимается. Дальше.

— Во-вторых, — продолжила я, — полный карт-бланш

на расходы. Мне нужен доступ к закрытым серверам. Нужен юрист. Нужен бюджет. Папа оплачивает войну против самого себя. Справедливо.

Макс задумчиво постучал ножом по бокалу. Звякнуло чисто и громко. — Бюджет будет. Юрист будет лучший в стране. Серверы... придется постараться. Старик параноик. Но у меня есть ключики от задней двери.

— В-третьих, — мой голос стал жестким, — если ты выкинешь очередной фокус с уничтожением моих вещей или публичным унижением — сделка расторгается. Я сливаю статью в РБК в тот же день. И живи потом с этим.

Наступила пауза. Он изучал мое лицо. Изучал долго, внимательно, впервые за всё время знакомства не пытаюсь играть роль. Затем уголки его губ дрогнули, поднимаясь в искренней, почти детской улыбке.

— Договорились, профессор, — он поднял свой бокал. — За разрушение династий.

Я столкнула свой бокал с его. Раздался чистый, хрустальный звон. Этот звук поставил точку. Война окончена. Да здравствует война.

Мы закончили ужин в относительном молчании, обсуждая стратегию. Оказалось, что слушать Макса, говорящего о корпоративных поглощениях — это отдельный вид эстетического удовольствия. Он мыслил категориями шахмат, где пешками были живые люди.

Когда принесли счет, он демонстративно приложил кар-

ту к терминалу, игнорируя мои попытки заплатить за себя. — Инвестиции в террориста, — пояснил он. — Налоговые льготы.

Мы вышли на крышу парковки. Ночной город шумел далеко внизу. Прохладный ветер трепал мои волосы. Макс нажал кнопку на брелоке. Красивый синий седан моргнул фарами.

— Держи, — он кинул мне ключи от моей старой жизни. — Компьютер внутри. Пленку я снял, но зарядку оставил запечатанной. Люблю наблюдать за страданиями перфекционистов.

Я поймала ключи. Холодный металл обжег ладонь. — Куда ты? — спросила я, чувствуя странную пустоту. Вечер заканчивался, а расставаться не хотелось. Стокгольмский синдром прогрессирует.

— У меня еще деловая встреча, — он кивнул в сторону черной Audi представительского класса, подкатившей к выходу. Водитель выскочил открыть дверь. — Надо пожать руку тому хлыщу с защиты. Закрепить успех. Завтра пришло юриста. Имя — Георгий Эдуардович. Делай всё, что он скажет. Купи себе нормальный брючный костюм, Арина. Джинсы оставь первокурсникам.

Он сделал шаг к своей машине, но вдруг остановился. Обернулся. — И, Воробьев... — Что? — Фанфик «Демон любит монашку». Глава четырнадцатая. Сцена в подполье. Ты описываешь татуировку на его бедре. Там ошибка в ла-

тыни. «Per aspera ad astra» написано с опечаткой. Глаз режет. Исправь. Хороший писатель должен знать матчасть.

Он сел в машину и уехал. Растворился в потоке фар, оставив меня стоять на пустой парковке с новым макбуком, врагом в качестве бизнес-партнера и чувством, что моя крыша окончательно и бесповоротно улетела в космос.

Я открыла дверцу своего временного автомобиля. Салон пах кожей и будущим. Экран ноутбука приветливо загорелся логотипом яблока. Я села внутрь, захлопнула дверь и включила зажигание.

Первым делом я зашла в облако. Нашла файл `Monsters_in_Love_Version_Final`. Открыла главу четырнадцать. Прокрутила до описания татуировки. Исправила букву в латыни. Сохранить.

Затем создала новую папку. Назвала её лаконично и страшно: «*Papa_Volsky_Offshore_Kill_Project*». Внутри создала первый документ. Шапка: «План внедрения. Этап 1: Вход в ближний круг».

Ночь перестала быть ночью студента. Начиналось утро главы корпорации. Моей будущей корпорации. Я пристегнула ремень безопасности и выехала с парковки навстречу новому дню.